Михаил Умнов

СВЕТ

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

АЛЕКСЕЙ Кузнецов, художник
ЛЕХА, 14 лет, разведчик, позывной «Свет», художник
ЛИЗА, скульптор, бывшая сокурсница Алексея
ВАСЯ, художник, бывший муж Лизы
МАРТА, искусствовед, сотрудница художественной галереи
ИННА ЭДУАРДОВНА, мать Марты, домохозяйка
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ, отец Марты, врач
ПЕШКАН Андрей, совладелец кафе
СЕДОЙ, комбат
МАКЛАК, замполит
ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА, военврач
ТОЛЯН, волонтер
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, руководитель волонтерской организации
ЖЕНЩИНА, СОФЬЯ, волонтеры
ЗАВЕДУЮЩАЯ ДЕТСАДОМ
НАСТЯ, воспитатель в детском саду
БЛОНДИНКА, девушка по вызову

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Квартира родителей Марты. Инна Эдуардовна, молодящаяся дама в шелковом старомодном халате, входит в гостиную с подносом с завтраком, прислушивается к голосу дочери Марты.

ГОЛОС МАРТЫ. Милый, поздравляю! Пам-па-па-пам! Две картины проданы. И еще три зарезервированы! Горжусь тобой! И собой тоже. Я же имею на это право, как куратор выставки, да? Ну, как ты? Только честно, там не опасно? Я слышала в новостях… Все спокойно? Слава Богу! Когда возвращаешься? Еще два урока и домой? Ура! Значит, в понедельник будешь? Жду не дождусь. Береги себя! Прошу, никуда не лезь! Ну, мало ли… Целую, мой герой!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Мой герой… Надо же. *(Громко)* Марта, завтрак готов.

Спустя несколько секунд выходит МАРТА, стройная эффектная девушка в элегантном деловом костюме, на ходу застегивая сумочку.

МАРТА. Мамочка, опаздываю.
ИННА ЭДУАРДОВНА. У тебя еще семь минут, чтобы проглотить яичницу и бутерброд.

МАРТА. Хлеб с маслом я не ем. Ты же знаешь.
ИННА ЭДУАРДОВНА. При такой жизни тебе нужны калории.
МАРТА. При какой такой?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Безумной. Взрослой. Как у вас говорят… крейзи. Я в масштабе страны.
МАРТА. Что-что? Ты это к чему?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Что у тебя с этим художником… Алексей, кажется? Серьезно? Или так?
МАРТА *(садясь за стол)*. В масштабе страны?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Семья – это ячейка общества.
МАРТА *(жует, довольная кивает).* Все окей.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Ну, у тебя-то с ним окей. А у него с тобой?
МАРТА *(замирает с дурашливой гримасой)*. Спасибо, что напомнила. Вот и спрошу при встрече.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Я серьезно.
МАРТА. И я серьезно. Серьезнее не бывает.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Он хотя бы москвич?
МАРТА. Ма!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Ты же понимаешь, я не просто так интересуюсь. Второго голодранца и лентяя в нашей семье я не переживу.
МАРТА. Зачем об этом сейчас? Тот брак был студенческий, по глупости. Ненастоящий.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Зато штамп в паспорте был настоящим. Не сотрешь!
МАРТА *(неожиданно серьезно)*. Обещаю, что второго ненастоящего брака не будет.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Так он москвич?
МАРТА. Родился и вырос в Муроме, кажется. Или в Костроме. Но на квартиру в Москве заработал сам.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Чем, интересно?
МАРТА. Своими картинами и уроками. Он – вполне успешный художник. Да, есть и такие! К тому же преподает в художественном училище. При академии! Еще у него мастерская. *(Выскакивая из-за стола.)* И я, мамочка, ему позировала. Голая! Совершенно! И мне, представь, понравилось!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Надеть что ли нечего было?

Обе женщины хохочут. В этот момент они очень похожи.

ИННА ЭДУАРДОВНА. Пригласи его в гости, в субботу. Я утку приготовлю.
МАРТА. Твоя знаменитая утка! Опаздываю. Директор меня убьет!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Значит, рано еще до званого ужина? Понятно.
МАРТА. Просто Алеша в командировке.
ИННА ЭДУАРДОВНА. В творческой?
МАРТА. Почему в творческой? Ну, ма. Я побежала.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Значит, не знаешь?
МАРТА. Знаю. Он в этом, в Донецке. Потом по плану Мариуполь и еще какой-то город, не выговоришь.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Что?! Что он *там* забыл?
МАРТА. Алеша проводит мастер-классы. В художественных школах.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Зачем это ему?
МАРТА. Ма, его направили. Отказаться нельзя. Таковы правила игры. Впрочем, ты ящик не смотришь.

ИННА ЭДУАРДОВНА. Ящик… господи, ящик… я смотрю перед сном. Но зачем играть по чужим правилам?
МАРТА. Всё, я побежала. Папе привет!
ИННА ЭДУАРДОВНА *(вдогонку*). Кстати, нашего папу наконец-то повысили. Слышишь? Убежала. Алеша то, Алеша сё. Что ж, так и должно быть… Хотя эти художники – народ ненадежный. Ведь и я когда-то, в Сочи… совершенно голая… Ха-ха! Но хватило ума! Хватило!

Сцена вторая

В кабине «газели». ТОЛЯН за рулем, рядом АЛЕКСЕЙ.

ТОЛЯН. Слушай, старик, до Геническа я тебе довезу. Как и обещал директору училища. Только вот что. Не охота потом возвращаться. Давай по пути к пацанам заскочим. Крюк небольшой, километров сорок. Они ждут. Груз особый. Только это…
АЛЕКСЕЙ. Да?
ТОЛЯН. Короче, это военные, в лесу. Если не готов, могу высадить в поселке, там кафешка есть, вайфай. Потом заберу.
АЛЕКСЕЙ. Да нет уж. Давай не расставаться. А то мало ли что. Как я потом доеду?
ТОЛЯН. Ты сам-то служил?
АЛЕКСЕЙ. Да. В основном, художником-оформителем.
ТОЛЯН. Считай, не служил.
АЛЕКСЕЙ. Если сотня караулов не в счет, тогда не служил.
ТОЛЯН. Значит, калаш держал? Уже хорошо.
АЛЕКСЕЙ. А ты, Толян, этот… волонтер?
ТОЛЯН. В свободное время. По зову сердца, как говорится. Так-то я – монтировщик. Собираю сцены для концертов, в парках, даже на Красной площади, везде. Работа сменная. Но бригадир меня отпускает: у него сын воюет. В этот раз передал бойцам три блока сигарет и коробку пряников. Прикинь, пряники!
АЛЕКСЕЙ. Я помню, как в армии сладкого не хватало… Первое время особенно.
ТОЛЯН. Было дело. Слушай, Алексей. Пойми правильно, пацаны ждут, баню натопили. Может, зависнем до утра? После бани, сам понимаешь, посидеть надо, за жизнь поговорить. Такие люди! Увидишь. Лады?
АЛЕКСЕЙ. Ну, давай. Только завтра пораньше стартуем. А то меня ждут.
ТОЛЯН. Так и меня! Маришка! Она такая… Славная, короче. Приеду и сделаю предложение. А то другого найдет. Как же я без нее? Не порядок.
АЛЕКСЕЙ. Поздравляю!
ТОЛЯН *(поет*). «Девочка моя синеглазая…» Это – Маришка.
АЛЕКСЕЙ *(подхватывает*). «Без тебя мне не прожить и дня…» Это – Марта.
ТОЛЯН и АЛЕКСЕЙ. «Ну скажи, скажи, что любишь ты меня…»

Приближающийся звук пикирующего дрона.

ТОЛЯН *(орет*). Черт!!! Мать его! Прыгай!

Взрыв. Стена огня.
Толян, уткнувшийся в руль и объятый пламенем.
Появляется парень в камуфляж – мелкий, явно подросток. Это – ЛЕХА.

Леха закидывает автомат за спину, пытается открыть дверь кабины со стороны Алексея. Не получается: заклинило. Леха вынимает штык-нож, вставляет в дверную щель, бьет ногой по рукоятке. Дверь открывается.
Леха рывком тянет на себя Алексея, тот, дымящийся, вываливается из кабины. Леха оттаскивает Алексея от горящей машины.

Сцена третья

Алексей лежит на нарах, шея забинтована, лицо в ссадинах, обработанных йодом. Комбат СЕДОЙ, замполит МАКЛАК. Военврач ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА делает Алексею угол в плечо.

СЕДОЙ. Ну как он?
ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА. Ничего. Главное, нутрянка цела.

Седой смотрит внимательно и неодобрительно. Не такого результата он ожидал от приезда волонтеров.

АЛЕКСЕЙ. А где Толян?
СЕДОЙ. Спасибо, Лида. Иди.

Военврач, по-матерински погладив Алексея по щеке уходит.

СЕДОЙ. Хороший был парень, ответственный и дельный…
МАКЛАК. Не повезло Толяну.
АЛЕКСЕЙ. Что значит, не повезло?
МАКЛАК. Не понимаешь?
АЛЕКСЕЙ. Его Маришка ждет... *(Задыхается, закрывает лицо рукой).*
МАКЛАК. А ты Леху благодари. Если б не он…
СЕДОЙ. Чего-то я тебя, паря, раньше не видел. Тоже из волонтеров? Тебя как звать-то?
АЛЕКСЕЙ (*дрожит голос*). Алексей. Алексей Кузнецов.
МАКЛАК. Беспилотники и рации не доехали.
СЕДОЙ. Да погоди ты…
МАКЛАК. Почти весь груз сгорел. Прикинь, Петрович, только пряники остались. И коробка с красками.
СЕДОЙ. Что за краски?
АЛЕКСЕЙ. Это – мои. Краски вез в художественную школу в Геническ. Я – художник. И преподаватель.
МАКЛАК. Во как! Комбат, еще один художник!
СЕДОК *(кивнув на стену с портретами бойцов*). Леха… тот, что вытащил тебя, он тоже… Вон – всё его. Ребята как живые. Ты, Алексей, отлежись пару дней. А потом мы тебя переправим в Донецк, в госпиталь.
АЛЕКСЕЙ. Зачем в госпиталь? Руки-ноги целы. Только слабость… Да и ждут меня. Телефон мой не находили?
МАКЛАК. Получишь в городе. Здесь звонить запрещено. Сам видел, как бывает.
СЕДОЙ. Обед через час. Не вставай, тебе принесут.

Седой и Маклак выходят.
Алексей встает, нетвердо идет вдоль нар к стене, на которой висят графические рисунки Лехи.

Видеопроекция: лица бойцов, серьезные, смеющиеся, задумчивые. Все рисунки выполнены в экспрессивной манере – лица словно живые. Внизу указаны позывные, на некоторых – крест с датой. Отдельно висит странный и чем-то зловещий коллаж из лиц людей, оружия, нацистских символов.
Взгляд Алексея снова скользит по портретам бойцов. И, как удар – крайний справа портрет Толяна, сжимающего руль…
Алексей не может сдержать слез.

Сцена четвертая

Землянка, обшитая вагонкой, на стенах три флага: российский, советский и имперский, фото президента, в углу икона Донецкой Богоматери, с темными потеками от кровавых слез.
В землянке Седой, Маклак и Алексей.

СЕДОЙ. Леха прибился к отряду где-то год назад. Ну, как прибился? Автомат хотел украсть. Его схватили, стали разбираться… А он, слышь ты, отомстить хотел за смерть родителей. Он сам из Горловки. «Азовцы» всю его семью – мать, отца, сестренку в погреб согнали, а потом гранату бросили. Отец Лехи успел накрыть его. Ночью пацан вылез. Неделю скитался с беженцами, вышел на нас. Я его в детдом хотел определить, договорился уже, но он – наотрез! Сказал, что убежит, попросил оставить в отряде. Думал, будет помогать по хозяйству, а он отоспался, поел и… пропал. Мы уж о нем забывать стали, а он через неделю появился, грязный, голодный… и сразу попросил лист бумаги и карандаши. Через час у меня на столе лежал чертеж с расположением казарм и складов укров. И даже примерное количество личного состава. Я, признаться, не поверил. Но в штаб дивизии передал. На следующий день полковая аэроразведка подтвердила, что всё в точности так, как на чертеже. Ну, и под утро артой перепахали. Когда я сказал об этом Лехе, он, знаешь, что ответил? «Только «азовцев» там, Петрович, не было». Я понял, что он тех тварей запомнил. Получается, как сфоткал их. Вот такой он Леха «Свет».
АЛЕКСЕЙ. Свет?
СЕДОЙ. Позывной. От фамилии. Светлицин он. Леха «Свет».
АЛЕКСЕЙ. Я бы хотел встретиться, поблагодарить его. Но еще такое дело… Понимаете, он очень талантлив. В смысле, его рисунки, манера, композиция… Это все – уникально. Ему в художественную школу надо. В Москву. А он здесь…
СЕДОЙ. В Москву? Слышь, Маклак!
МАКЛАК. Может, и нам в Москву? Хотя бы на недельку. Оттянулись бы как белые люди!
АЛЕША. Вы не понимаете, у Лехи талант, настоящий дар! Знаете, сколько бездарей учится, а Леха…

Седой и Маклак переглядываются, смеются.

СЕДОЙ. Ты не обижайся, Алексей! Уж больно разговор у тебя интересный. Мы с замполитом из шахтеров, к такому не привыкли. *(Садится напротив Алексея.)* Леха, он только с виду малой. У него сердечко в свинчатку сжалось. Сечешь?
МАКЛАК. Игнат Петрович, а может у москвича получится, а? Они же эти, художники, как рыбак рыбака... Не то что мы. К тому же Москва. Училище и все такое. Чисто, тепло. Кофе с этими… круассанами.
СЕДОЙ. Ты смеешься, что ли, замполит?

АЛЕКСЕЙ. А я попробую, Игнат Петрович.
СЕДОЙ. Попробуешь? Ну, пойдем. Леха вернулся только что.
МАКЛАК. Да он отсыпается, наверное.
СЕДОЙ. Не, Леха пока из головы своей упрямой всё не вынет, не успокоится.
АЛЕКСЕЙ. Он за «лентой» был? Простите, не должен был спрашивать.
СЕДОЙ. Там, куда мы только дронами можем дотянуться. Когда они есть. Но их, Москва, нет. Или мало.

Сцена пятая

За столом сидит Леха, белобрысый подросток в рваном и грязном тренировочном костюме, сосредоточенно что-то чертит на листе ватмана, на миг задумывается, грызя карандаш. Он так увлечен, что не замечает вошедших.
Седой смущенно, словно извиняясь, кашляет.

ЛЕХА (*даже не оглянувшись*). Петрович, там бэха была, они ее в сарай закатили. Вот сюда. *(Леха делает отметку на чертеже.)* И еще я гул вертака слыхал. Сначала подумал – газонокосилка. А потом, нет – «Миг» восьмой, походу.
СЕДОЙ. Потом расскажешь, сынок. Ты лучше посмотри, что тебе из Москвы прислали. *(Кладет на стол несколько альбомов и пакет с красками.*) Не сгорело. А это – Алексей, которого ты… Он тоже художник. И учитель. Тебе бы поговорить с ним.
ЛЕХА. Ты, правда, художник?
АЛЕКСЕЙ. Ну да. Это моя профессия.
ЛЕХА. Хороший?
АЛЕКСЕЙ. Говорят, неплохой.
ЛЕХА. Лучше меня?
АЛЕКСЕЙ. Не знаю. Но умею больше. Потому что долго учился.
ЛЕХА. А что Москва? Цветет и пахнет?

Алексей не знает, что ответить.

ЛЕХА. Петрович, и поляки там. Шипят, как гуси. Только они отдельно – вот здесь. *(Отмечает на чертеже.)* Один, гад, даже вычислил меня.
СЕДОЙ. Как вычислил? Ты что такое говоришь?
ЛЕХА. Я же типа беженец, подошел, тычу себе в рот, мол, жрать хочу. А он на меня винтовку американку навел, говорит другому «очи шпега» – типа, глаза шпиона. А я такой: не стреляй, пан, богом прошу. Прям заплачу сейчас. А он засмеялся, падла. Бросил мне галету. Я ее потом собаке скормил.
СЕДОЙ. Ты опять за свое! Я же тебе запретил приближаться к военным!
ЛЕХА *(делает отметку на чертеже*). А здесь у них склад. Не знаю, что там, но охрана с двух сторон. (*Алексею.*) А Кремль такой, как на картинке?
АЛЕКСЕЙ. Даже лучше. Слушай, я уезжаю сегодня. Я хотел поговорить с тобой.
СЕДОЙ *(берет чертеж Лехи*). Спасибо, сынок! Сейчас же отправлю. Пойдем, замполит.

Седой и Маклак выходят.

АЛЕКСЕЙ. Я поблагодарить тебя хотел. Ты спас меня.
ЛЕХА. Да, ладно… спас. Делов-то – дверь открыл. Жаль нож сломал. Хороший был нож, трофейный.

АЛЕКСЕЙ. Я тебе другой привезу. Скажи, какой. Чего улыбаешься? Не веришь?
ЛЕХА. Ты говори, чего надо. Да я дрыхнуть пойду.
АЛЕКСЕЙ. Я тебя не задержу. Понимаешь, твои рисунки… Я был поражен. В них столько всего! Такие лица! Хотя многих ребят, как я понял, уже нет. Но благодаря тебе они здесь, с вами. Ты их как бы вернул… оттуда. В общем, тебе надо учиться. Рисованию, живописи, истории искусств. Ты талантлив. Да ты и сам это знаешь. Так ведь?
ЛЕХА. Батя говорил: Леха, ты – халтурщик, торопыга. Слишком спешишь. А я по-другому не могу. Если остановлюсь, уже не то. Это как, а?
АЛЕКСЕЙ. Это ничего. Нормально. Это твоя манера. Значит, ее надо развивать. Понимаешь?
ЛЕХА. Чё ж не понять?
АЛЕКСЕЙ. Выходит, тебя отец учил? Он был художником?
ЛЕХА. Не, он инженер. И в школе подрабатывал – вел черчение. Он говорил, что черчение это основа всего.
АЛЕКСЕЙ. Твой отец был прав. Он тебе рассказывал про золотое сечение?
ЛЕХА. Золотое? Это как?
АЛЕКСЕЙ. Ну, это когда все части уравновешены. Но хороший художник чувствует, когда соблюдать, а когда нарушать этот закон.
ЛЕХА *(смеется*). А, это как я? Когда там, за «ленточкой».
АЛЕКСЕЙ. Нет, Боже упаси. Я про искусство. В общем, я приглашаю тебя в Москву. Я преподаю в художественном училище. Я помогу тебе поступить. Многому научишься. Не только рисовать, но и лепить из глины, делать изразцы, работать с металлом, с мозаикой, эмалями. Представляешь! Я сейчас вспоминаю эти годы как самые счастливые в моей жизни. Ну, согласен?
ЛЕХА. Ты лучше скажи: зачем я тебе?
АЛЕКСЕЙ. Что? Как зачем… Как зачем? Если бы не ты… я бы здесь не сидел, не говорил с тобой.
ЛЕХА. Я просто первый подскочил. Я сначала хотел к Толяну, но смотрю, с него уже кожа слазит… А ты вроде целый.
АЛЕКСЕЙ. Да… да… Но главное, ты, как это говорится… Богом поцелован. Может быть, даже больше, чем я.
ЛЕХА. Как это, Богом поцелован?
АЛЕКСЕЙ. Природный дар. Нельзя, чтоб он пропал. Понимаешь?
ЛЕХА. А как же ребята без меня?
АЛЕКСЕЙ. Комбат согласен. И замполит. Я уже говорил с ними.
ЛЕХА. Согласны? Да врешь ты! Они без меня как без глаз! Ты, москвич, лучше беспилотники привези. И радейки. А то мы как слепые и немые.
АЛЕКСЕЙ. Ты погоди, не отказывайся. Беспилотники и радейки… а что это?
ЛЕХА. Рации. Лучше цифровые.
АЛЕКСЕЙ. Я в этом ничего не смыслю. Но я узнаю, если хочешь. А ты… Ты можешь дать мне несколько своих рисунков. Я покажу их в академии.
ЛЕХА *(протягивает альбом)*. Держи. Только с возвратом. Там пацаны… Понял?
АЛЕКСЕЙ. Не беспокойся. Я верну. Обещаю.

Сцена шестая

Галерея. Марта выходит из туалетной комнаты, держа в руке тест на беременность.

МАРТА. Это что? Это что, черт подери?! Две полоски! Эй, подруга! Быстрая же ты!

Марта неуверенно смеется. Но, похоже, она рада. Нет, точно рада, она даже пританцовывает, ощущая свою новую женственность, заходит в витрину галереи «Атмосфера», ставит плакат «Выставка-продажа акварелей члена Союза художников РФ Алексея Кузнецова». Поправляет две картины Алексея, любуется ирисами на одной из них. Марта вся в своих мыслях, это мысли о будущем. Прохожий, Андрей ПЕШКАН, говорит по телефону, останавливается перед витриной галереи, оценивает фигуру Марты, ее грацию.

ПЕШКАН *(по телефону)*. Слушай, кто отличит карельскую форель от норвежской? Даже ты, шеф-повар, не отличишь. Поэтому не усложняй. Заказывай и побольше. Я скоро буду. *(Отключается)*. Уволить дурака, что ли?

Пешкан барабанит пальцами в стеклянную дверь художественной галереи.

МАРТА. Галерея открывается через полчаса.

Пешкан показывает большие пальцы, кивая на картины, улыбается белозубой улыбкой: ну, я же уже здесь.
Марта открывает дверь.

ПЕШКАН. Не смог утерпеть, глядя на вас… В смысле на эти картины. Они ведь лучшие, да?
МАРТА. У этого художника все хорошие. А эти – самые характерные.
ПЕШКАН. И лично вам нравятся, так?
МАРТА. Разумеется. Как и прочие.
ПЕШКАН. Все же больше прочих?
МАРТА. Вы что хотели?
ПЕШКАН. Понимаете, я не очень разбираюсь в картинах. Но эти две мне тоже… Сколько они стоят?

Марта делает пометки в каталоге и протягивает его Пешкану.

МАРТА. Это каталог. С ценами.
ПЕШКАН. Не слабо. Как двадцать кэгэ норвежской форели.
МАРТА. Что, простите?
ПЕШКАН. Не критично.
МАРТА. Мы готовы зарезервировать картины для вас. После внесения предоплаты. Но в любом случае забрать картины можно только после окончания выставки.
ПЕШКАН. Меня это устраивает. Пусть завидуют те, кто не успел.
МАРТА. Вот буклет художника.
ПЕШКАН *(бегло листает)*. А где ваш телефон?
МАРТА. Мой?
ПЕШКАН. Да, вы же агент. Может, я еще что-то присмотрю. В моем кафе одна стена совершенно пустая. Да и дома, в спальне. А я с некоторых пор не терплю пустоты.
МАРТА. Телефон галереи указан. В рабочее время я к вашим услугам.
ПЕШКАН. А в нерабочее?
МАРТА. Мне кажется или… вы меня вот так незамысловато клеите?

ПЕШКАН. Ну, зачем сразу… хотя да, клею. Извините, если получилось незамысловато.
МАРТА. Не тратьте время. У меня есть любимый человек.
ПЕШКАН. Звучит как приговор. Высшая мера.
МАРТА. Картины покупать не передумали?
ПЕШКАН. Нет. Даже разохотился. Словно на аукционе.
МАРТА. На кого выписывать резерв?
ПЕШКАН. Хит Леджер, с вашего позволения.
МАРТА *(записывая*). Так, резерв, 25% от стоимости. С вас 70 тысяч, господин Ле… Леджер, если не ошиблась.
ПЕШКАН *(смутившись*). Это псевдоним. Фильм «Джокер» смотрели?
МАРТА. Не помню. Так это шутка?
ПЕШКАН. Андрей Пешкан. Ресторатор.
МАРТА. Ресторатор тоже псевдоним? Или как это… pogonjalo?
ПЕШКАН (*захлебывается смехом*). А вы та еще штучка! Извините… Похоже, я здесь у вас все куплю.
МАРТА. А вот за это я вам буду очень благодарна. Даже обещаю сходить с моим парнем в ваше кафе. Как, кстати, оно называется?
ПЕШКАН. Вот визитка. Приходите. Ужин за счет заведения. Договорились?
МАРТА. Не уверена, что клюнем. Но подумаем.

Сцена седьмая

Мастерская Алексея. Он *входит. Опускает сумку рядом с большим напольным зеркалом. На него смотрит уставший и чуть постаревший человек с недельной щетиной и ссадинами на лице.*

АЛЕКСЕЙ. Привет! Ты кто? Ты кто?..

Алексей опускается в кресло, оглядывает свою мастерскую, незаконченный цветочный натюрморт на одном мольберте, дородную полуобнаженную женщину, написанную в стиле Климта, на другом.
Алексей достает из сумки альбом Лехи, открывает его, ставит на мольберт, поверх полуобнаженной женщины.
Стук в дверь.

АЛЕКСЕЙ. Не успел зайти… *(громко)* Кто? Входите!

Входит ЛИЗА. Она в рабочем комбинезоне, перепачканном глиной и мелом.

ЛИЗА. А я слышу, хлопнула дверь… Привет! Рада тебя видеть! Давно в Москве?
АЛЕКСЕЙ. Здравствуй, Лиза. Да только с вокзала.
ЛИЗА. Почему не звонил?
АЛЕКСЕЙ. Телефон… Да и вообще…
ЛИЗА. Я места себе не находила. В новостях передавали… прилеты и все такое. *(вглядываясь в лицо Алексея)*. Но… ты… ты не болен?
АЛЕКСЕЙ. Просто устал. Сутки в автобусе, без кондея.
ЛИЗА. Поняла, я не вовремя. Ухожу. *(Заметив рисунки Лехи.*) Ой, а это что? Твое?
АЛЕКСЕЙ. Нет. Мальчишка один рисует. И воюет, представляешь.
ЛИЗА. Что за мальчишка?

АЛЕКСЕЙ *(протягивает свой рисунок*). Вот его портрет. Набросал, пока ждал автобус. Ему лет четырнадцать, хотя больше двенадцати не дашь. Сирота. Разведчик. С позывным… представляешь… «Свет».
ЛИЗА. «Свет»? Какое интересное лицо! Почти ангельское. И в то же время взрослое. Как на плакатах Великой Отечественной. Я бы его слепила. Не возражаешь? *(Разглядывая рисунки Лехи.*) Для подростка круто.
АЛЕКСЕЙ. Его вытаскивать надо. Оттуда. Срочно.
ЛИЗА. Ты так сказал, словно его не пускают.
АЛЕКСЕЙ. Он сам себя не пускает. Вот в чем проблема.
ЛИЗА. Что же делать?
АЛЕКСЕЙ. Ты молодец! Сразу – «что делать». Что делать? Не знаю. Может, организовать выставку Лехи. В Москве. Под названием «Свет». А, как тебе? И привезти его сюда. А здесь… я что-нибудь придумаю. Знакомого юриста нет?
ЛИЗА. У сестры муж – адвокат. Позвонить? Что сказать?
АЛЕКСЕЙ. Просто скажи, что хочу поговорить. Там Леха не выживет. Он и так по краю ходит.
ЛИЗА. Ты сам какой-то… Я тебя таким не видела.
АЛЕКСЕЙ. Долго рассказывать… Слушай, а где Василий?
ЛИЗА. Несколько дней работал как каторжник. Он заказ получил. По двухтомнику Гоголя, кажется. Но два дня назад исчез.
АЛЕКСЕЙ. Может, уехал куда?
ЛИЗА. Бухает где-нибудь. Как обычно, когда что-то не получается. Это у него такой способ спрятать голову в песок.
АЛЕКСЕЙ. Всегда жалел, что вы расстались. Только ты и могла его хоть как-то…
ЛИЗА. Не смогла. Наверное, слишком давила. А потом сразу перестала. Ему другая нужна. С которой он чувствовал бы себя сильным. *(Приближается к Алексею, словно говоря о себе.)* Которую мог бы взять на руки, спрятать в ладонях. Послушай, все хотела спросить…
АЛЕКСЕЙ. Да, Лиза?
ЛИЗА. У тебя… у тебя с той девушкой серьезно?
АЛЕКСЕЙ. С какой девушкой?
ЛИЗА. С той, из галереи. Где твои картины… Вы на днюхе Васи были. Вместе.
АЛЕКСЕЙ. Как тебе сказать…
ЛИЗА. А ты скажи, как есть.
АЛЕКСЕЙ. Ну да, Лиза, серьезно.
ЛИЗА. А я… я тебе не нравлюсь разве? Ведь ты в институте смотрел на меня, я видела…
АЛЕКСЕЙ. Ты о чем, Лиза? Ты же замужем за Васькой была.
ЛИЗА. Я свободна уже полгода. Не замечал? *(Утыкается Алексею в грудь.)* От тебя костром пахнет…
АЛЕКСЕЙ *(подавляя раздражение*). Видела бы ты тот костер… Я не свободен. Извини.
ЛИЗА. Не извиняйся… Ты передо мной ни в чем не виноват. Кроме одного. *(Прижимается к нему).*
АЛЕКСЕЙ. Лиза!
ЛИЗА. Ты, главное, не спеши, Алеша. Лучше меня не найдешь.

Сцена восьмая

Художественная галерея. Алексей останавливается около витрины галереи. Он элегантно одет, явно после парикмахерской, хорошо выбрит, правда, из-за этого

ссадины на лице еще заметнее. Его взгляд скользит по двум своим цветочных натюрмортам, выставленным в витрине. К ним прикреплены таблички «зарезервировано».
В глубине галереи видны посетители и Марта, что-то им объясняющая.
На заднем плане появляется Андрей Пешкан с букетом роз. Он достает телефон, рассматривает себя, улыбаясь белозубой улыбкой…
Марта замечает Алексея, не раздумывая, выскакивает на порог, обнимает его.
Видя это, Пешкан делает шаг назад, в тень. Букет в его руке опрокидывается – как в тире подбитая фигура.

МАРТА. Наконец-то! Я чуть с ума не сошла! Господи, что с лицом? Что случилось?
АЛЕКСЕЙ. Да все хорошо, любимая.
МАРТА. Дай я на тебя посмотрю. Ты изменился. Ты какой-то другой…
АЛЕКСЕЙ. Постарел?
МАРТА. Милый мой! *(Обнимает.)* Если бы ты знал… Мне столько тебе нужно рассказать!
АЛЕКСЕЙ. Мне тоже. Давай сбежим? Я так соскучился.
МАРТА. Не могу. Еще час должна заливаться соловьем. К счастью, по поводу твоих картин. Хочешь послушать? Узнаешь много нового.
АЛЕКСЕЙ. С удовольствием. Только через полчаса. Ладно? Мне нужно зайти по делу, здесь рядом. А потом я тебя увезу. Даже если будешь сопротивляться.
МАРТА. Скажи, что любишь. Вдруг ты в этом изменился? *(Смеется)*.
АЛЕКСЕЙ. Люблю. Очень.

Алексей уходит.
Букет в руке Пешкана поднимается, как жезл регулировщика. Он направляется в галерею, на ходу примеривая свою «фирменную» улыбку.

Сцена девятая

Церковный двор. Алексей крестится, входит внутрь пристройки с вывеской «Всё для фронта, всё для Победы».
Алексей идет по коридору, мимо коробок и мешков, сложенных для отправки в зону СВО, о чем говорят таблички: «ДНР, Макеевка, шк.10. Отв. Кулиш И.П», «Луганск, Отв. Кравец Н.Д.» «ХО Геническ, в/ч19 отв. Зуев. С.С.»
Доносится женское пение. «Вот кто-то с горочки спустился…»

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Что-то долго спускался! Я уж замерзла, девки. (*Смех).*

Выбегает смеющаяся ЖЕНЩИНА, держа руки перед собой, словно суша маникюр.

ЖЕНЩИНА. Теперь не мыть полгода! Ну, Григорич! Вот чудила!
АЛЕКСЕЙ. Простите, где мне найти Евгения Григорьевича?
ЖЕНЩИНА. Да там он! По рукам пошел, змей!

Длинный подвал с висящей на перекладине рыболовной сетью, края которой не видно. Несколько женщин вплетают зеленые, серые, салатовые, черные ленты и при этом поют. Полный мужчина в униформе защитного цвета ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ бегает вдоль масксети и целует руки женщинам.

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Леночка, радость моя! (*Целует, перебегает к другой.)* Макаровна! Да ты моя лебедушка! По поручению командира гвардейской дивизии… Не скажу какой… это военная тайна! *(Целует, перебегает к другой.)* Елена Игоревна, позвольте засвидетельствовать! *(Целует, перебегает к полногрудой молодухе.*) Софья! Софочка, вы, как шлагбаум. В самом трепетном смысле. Мимо не пройдешь. Разрешите… с чувством, с толком и с расстановкой…
СОФЬЯ. Не туда целитесь, Евгений Григорич.
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ *(целуя руки Софьи)*. Прицел сбивается при виде ваших даров.
СОФЬЯ. Дары заслужить надо.
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Да разве я спорю, Софочка.

Евгений Григорьевич машинально подскакивает к мужчине, плетущему сеть. Тот выставляет руки для поцелуя.

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРБЕВИЧ. Ну, ты что, Палыч, совсем того? *(Жмет ему руку.)* Кстати, отстаешь от женщин. Не стыдно?

Евгений Григорьевич замечает Алексей.

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ *(другим женщинам)*. И до вас доберусь! *(Алексею.*) Это вы звонили, да? Как вас величать?
АЛЕКСЕЙ. Алексей. Я от комбата Игната Петровича.
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Да-да, понял… Знаю, что случилось с Анатолием. Беда-то какая! Владыка уже и панихиду отслужил.
АЛЕКСЕЙ. Комбат просил меня передать список. Это то, что нужно срочно. Особенно…
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Вижу. *(Читает.)* Беспилотники и комплектующие. Рации нужны. И еще маскировочную сеть 700 метров. Значит, теперь вы вместо Анатолия?
АЛЕКСЕЙ. Я?
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Ах да, машина сгорела. Что же делать, а? Масксети наши женщин сделают. Руки-то золотые!
АЛЕКСЕЙ. Это монахини?
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Что?! *(Женщинам.*) Бабоньки, вас в монашки записали!

Женщины смеются.

ГОЛОСА. Да я хоть счас! Все равно мужики на фронте, а в тылу только облака в штанах. Кроме нашего Григорича, конечно! Этот – молодец! Целоваться горазд. А на большее не способен.
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Началось! Это – все местные, живут рядом. Кто-то подруг приводит. По выходным даже студенты и школьники бывают. Так как же решим с машиной, а, Алексей?
АЛЕКСЕЙ. Почему вы меня спрашивайте?
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. А кого мне спрашивать? Груз мы соберем. Через неделю, максимум две. А вы машину ищите.
АЛЕКСЕЙ. Я?
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Или Анатолия с того света вызывайте, что ли. А я, с вашего позволения, продолжу выполнять поручение командования. (*Женщинам.)* Так, на ком я остановился? Софья Ивановна!

СОФЬЯ. Прикладывался уже. Лучше вон молодца направь.
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ *(подмигнув Алексею*). Залетного ей подавай! Ну, Софочка! В гроб меня загонит.

Сцена десятая

Одновременное действие в двух квартирах – Алексея Кузнеца и Андрея Пешкана.

Квартира Алексея Кузнецова.
Алексей и Марта неглиже на ковре, вокруг разбросанная одежда, полупустая бутылка вина.

МАРТА. Ты так рассказываешь об этом мальчике, что я начинаю ревновать. Но мало ли талантливых? А вдруг я тоже? Я хоть и закончила искусствоведение, но мне всегда хотелось делать что-то самой. Те же акварели.
АЛЕКСЕЙ. Уверен, у тебя получится. Технике я тебя обучу. Что же касается Лехи… Он не просто талант, это – самородок.
МАРТА. А если я тебе скажу кое-что... Хотя мне страшно.
АЛЕКСЕЙ (*целует ее*). Что, любимая? Говори.
МАРТА. Нет. Не сейчас.
АЛЕКСЕЙ. Почему?
МАРТА. Это… это будет похоже на… манипуляцию. К тому же я не уверена.
АЛЕКСЕЙ. Что за тайны от… будущего мужа?
МАРТА. Что! Что! Что ты сказал? От кого тайны?
АЛЕКСЕЙ. В общем, да, я делаю тебе предложение. Предложение руки и сердца.
МАРТА. Не, ну так не бывает! Не успела я подумать… Нет, ты шутишь!
АЛЕКСЕЙ. Разве с этим шутят? Там я понял, как жизнь непредсказуема и скоротечна. Нельзя откладывать самое важное. Иди ко мне. *(Обнимает Марту.)* Так что ты ответишь?
МАРТА. Ужасно хочется поломаться. Но… Да! Да! Да!

Сливаются в объятиях.

Квартира Андрея Пешкана.
Спальня. Большая кровать. Пешкан лежит и курит, вполглаза наблюдая, как одевается молодая БЛОНДИНКА с точеной фигурой.

БЛОНДИНКА. Ты же знаешь, я не терплю хамства и грубости. Я ему сразу сказала, а он, походу, не понял, с кем имеет дело. Пришлось его послать. А он такой: сколько? Типа за деньги можно все. А ты меня знаешь, я брезглива, и деньги ничего не решают.
ПЕШКАН. Сколько?
БЛОНДИНКА. Как обычно. За срочность. И еще на такси. Да, котик?

Пешкан по смартфону переводит девушке деньги.

БЛОНДИНКА *(глянув в смартфон*). Ты так щедр. Могу задержаться.
ПЕШКАН. Не сегодня. Слушай, Элка, тебе эта пустая стена не раздражает?
БЛОНДИНКА. Я – Ленка. А Элка это моя подруга. Стена как стена. Поставь аквариум. Обожаю смотреть на рыбок. Могу часами. Пока не вызовут. Только в следующий раз, звони хотя бы часа за четыре. Ну, я пошла, Максик.

ПЕШКАН. Максик? Это ты мне? Ну и сучка ты, Элка!
БЛОНДИНКА. Сучка – Элка. А я – кошка. Запомни.

Оба смеются.

Квартира Алексея Кузнецов.

МАРТА *(отстраняя Алексея от себя)*. Ты уверен? Точно? Ведь я, может быть, совсем не такая, какая тебе нужна.
АЛЕКСЕЙ. «Девочка моя синеглазая…»
МАРТА. Налей вина. Хочу выпить за нас.

Марта вдруг всхлипывает, отворачивается…

АЛЕКСЕЙ. Что случилось, милая?
МАРТА. Это от счастья.
АЛЕКСЕЙ. А то я испугался…
МАРТА. Кстати, мама приглашала нас в субботу. На утку. Это ее коронное блюдо. Я сказала, что рано.
АЛЕКСЕЙ. Не помню, когда ел утку в последний раз. Я бы не отказался.
МАРТА. Так ты согласен?
АЛЕКСЕЙ. Конечно. Вспомнил! Я про утку. Мне было лет четырнадцать. Бабушка потащила меня на охоту. Она очень хотела сделать из меня мужчину, добытчика. Рыбачил я ловко, но стрелять в животных и птиц как-то совсем не мог, рука не поднималась. В общем, она сама подстрелила двух уток, а я за ними плавал. По-собачьи. А через пару дней бабушка нашла мои рисунки. Охота, летящие утки, она с ружьем, я в воде, как спаниель. И, ни слова мне не сказав, куда-то уехала, прихватив рисунки. Оказалось, записала меня в кружок рисования при Доме культуры. Так, благодаря уткам я стал художником.
МАРТА. Надеюсь, мамина утка тебе понравится. Всем нам понравится. *(Обнимает Алексея)*.

Квартира Андрея Пешкана.

ПЕШКАН. Слушай, кошка. У тебя вроде котяра был в администрации города?
БЛОНДИНКА. Допустим. Чего надо? И цена вопроса?
ПЕШКАН. Никак не могу получить разрешение на открытие летней веранды. Сведи нас, а я отблагодарю, ты же знаешь.
БЛОНДИНКА. Знаю, котик. Пока. *(Уходит)*.
ПЕШКАН *(закуривает, звонит по телефону*). Привет, Планктон Планктоныч! Как сам? Не одурел еще от бумаг? Вот и я тоже. Правда, больше от лени и воровства персонала. И вообще, всякие мысли лезут в голову. Что, говоришь, кризис среднего возраста? Погоди, чё-то рановато. Не, здесь – другое. Вот, скажи старому корешу, вы с Тамаркой сколько? Лет десять, да? Двенадцать! Супер. Значит, соответствуете друг другу? Как это ты не думал? Ну, удивил! Чего интересуюсь? Да, черт его знает, чего. Я ж говорю, мысли в голову лезут… Может, и впрямь кризис.

Сцена одиннадцатая

Квартира родителей Марты. Гостиная после хорошего ремонта, с добротной импортной мебелью советского периода. Инна Эдуардовна в выходном платье. Ее муж ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ, в старомодном костюме и нелепом галстуке.
На накрытом столе закуски, бутылки, ваза с букетом фрезий.
Встреча в разгаре, все уже немного навеселе.

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. За знакомство пили… Между второй и третьей – промежуток незаметен.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Так, это что-то новенькое. Витя, так ты, оказывается, знаток питейного фольклора! Нам с дочкой сухого.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Теперь хоть будет с кем посидеть.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Алексей, надеюсь, вы не склонны…
АЛЕКСЕЙ. Предпочитаю сухое. Как и Марта.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Костя, ты слышал? Теперь нас большинство. Чтоб не остаться в одиночестве, тебе придется перейти на благородные вина.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Как уролог протестую, но не настаиваю. Так, теперь я хочу сказать. *(Встает.*) Я давно ждал сегодняшнего события, ждал, когда моя доченька, моя умница, моя красавица познакомит нас с достойным ее человеком.
И не только с достойным, но и близким по духу и по роду занятий. Если бы Инночка в свое время не проходила у меня практику…
ИННА ЭДУАРДОВНА. И ты не соблазнил бы меня, пользуясь моей наивностью и неопытностью…
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. … и отсутствием двух верхних пуговиц на медицинском халате.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Не верьте ему!
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Хотя я не в претензии. Главное, мы с Инночкой создали крепкую семью, чего желаем и нашей дочери. В общем, за вас, дети мои, счастья вам!
МАРТА. Алёша, за нас!
АЛЕКСЕЙ. За нас, дорогая!

Все чокаются, выпивают.

ИННА ЭДУАРДОВНА. Алексей, а что ваши родители? Кто они и где?
АЛЕКСЕЙ. Меня воспитала бабушка, мамина мать. Мы жили в Муроме, в доме на берегу Оки. К сожалению, бабушка умерла несколько лет назад.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Да? Очень жаль. А что же все-таки родители? Ваша мама? Простите, что расспрашиваю.
АЛЕКСЕЙ. Не извиняйтесь, но мне рассказывать особо нечего. Отец ушел от нас, когда я был совсем маленьким. Денег не хватало. Мама уехала на заработки. Сначала, кажется, в Германию, – она неплохо знала немецкий, затем в Норвегию. Присматривала за каким-то стариком, потом вышла замуж за его сына. У нее уже внуки.
ИННА ЭДУАРДОВНА. И она не взяла вас к себе?
АЛЕКСЕЙ. Сначала, видимо, не могла. А когда смогла, уже я не захотел менять свою жизнь, – бросать художественную школу, друзей, первую любовь. К тому же бабушка болела, надо было помогать.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Бабушка – это святое. А я ведь тоже, Алексей, бабушкин ребенок. И не жалею. Это она меня таскала на концерты в консерваторию, в зал Чайковского, а потом привела на подготовительные курсы в медицинский и даже оплачивала их. Давайте выпьем за тех, кто нас любил и воспитал.

ИННА ЭДУАРДОВНА. Ты что-то разогнался. Выпьем, не спеши. Дай поговорить с Алексеем.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да наговоритесь еще. Правда, дочка? Ты счастлива?
МАРТА. Да, папа.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Ой! У меня же утка!
МАРТА. Я помогу.

Инна Эдуардовна и Марта выходят из гостиной.
При входе на кухню в напольной вазе – роскошный букет роз с визитной карточкой.

МАРТА. Какие розы! Папа подарил?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Дождешься от него! (*Достает визитку.)* Какой-то Хит Леджер. Ты и иностранца успела очаровать? Ты не рассказывала.
МАРТА. Какого еще иностранца? Наверное, курьер ошибся.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Да? Но букет зачетный. Не то что от твоего Алексея. Ты уж извини.
МАРТА. Ма! Это же твои любимые фрезии! По пути сюда Алеша спросил меня, какие ты любишь цветы.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Да? Может, потому что твой папа не дарил мне розы. Экономил. *(Заглядывая в духовку.*) Так, что там моя уточка?
МАРТА. Кстати, Алеша специально не обедал, чтобы отведать твое коронное блюдо.
ИННА ЭДУАРДОВНА. То есть он пришел из-за утки?
МАРТА. Он пришел, потому что вы пригласили. А утка – это гастрономический приз. От тещи – будущему зятю.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Значит, все решено? Точно, девочка моя?
МАРТА. Да, мамочка.

Обнимаются. Возвращаются в гостиную.

ИННА ЭДУАРДОВНА. Утка почти готова. Алексей, значит вы художник, у вас мастерская. Марта сказала, что вы еще и преподаете?
АЛЕКСЕЙ. Да, в художественном училище. Ну, и как репетитор.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Должна вам сообщить, Алексей… Вас неделю не было, Марта места себе не находила. Вы уж, пожалуйста, не оставляйте ее надолго. А то уведут. Всякие иностранцы.
МАРТА. Мама!
ИННА ЭДУАРДОВНА. И часто у вас бывают *такие* командировки? Марточка мне рассказала про Донбасс.
АЛЕКСЕЙ. Не часто, но эта была совершенно особая.
ИННА ЭДУАРДОВНА. В общем, вам хватило?
АЛЕКСЕЙ. Хватило?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Ну, да. Хватило! Этого Донбасса.
МАРТА. Ма! Давай сменим тему. Па, расскажи о новом назначении. У тебя теперь свой кабинет?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Так ведь тоже благодаря этой войне. Илюхе Петрову предложили возглавить госпиталь в Донецке. Он, чудак, согласился. А меня – на его место.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Ты не говорил. Я думала… Не важно.
АЛЕКСЕЙ. Виктор Константинович, а вам не предлагали работать там, в Донбассе?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Странный вопрос! Наш папа и…

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Предлагали. Врачей-то не хватает.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Что?!
МАРТА. Папа!
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну, предлагали, и что? Разумеется, я отказался.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Почему мне не сказал?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. О чем говорить-то? Вот если бы согласился, тогда да…
ИННА ЭДУАРДОВНА. Он еще и смеется! Господи, как же все это надоело! Со всех сторон эта СВО… сволочь, одним словом.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Но мы так и не дали рассказать Алексею.
МАРТА. Он же сказал: ему хватило. И давайте больше не…
АЛЕКСЕЙ. Да, мне, пожалуй, хватило… Чтобы кое-что понять. Простые, в общем-то, вещи…
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Простые, они – самые… непростые. Особенно в патогенезе. Это я как врач…
ИННА ЭДУАРДОВНА. Витя!
АЛЕКСЕЙ.… чтобы понять, что там живут люди, которым нужна наша помощь. Потому что больше ждать неоткуда. И, главное, там продолжается жизнь. Люди не просто выживают, они строят, учатся, рожают детей. И еще они воюют. Вчерашние шахтеры, инженеры, учителя. И даже дети воюют. Дети! И еще я понял, что помощь нужна и нам, здесь, в сытой, холеной, бесчувственной Москве, которая, как известно, слезам не верит. И крови… крови уже не верит. Вот что мне хватило понять.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Это как-то… А я ничего не понимаю… Марта!
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Причем здесь Марта?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Вы что же, Алексей… извините, не знаю вашего отчества… предлагаете нам во всем этом участвовать? Жертвовать на войну? Во все эти фонды, которых развелось как… как… ну, вы поняли. Или стать волонтерами? Нам!
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Просто Алексей – отзывчивый человек с гражданской позицией. И это, уверяю тебя, Инночка, намного достойнее… прижатых ушей.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Каких еще ушей? Чьих ушей? Что ты городишь!
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Прижатых. Они у каждого второго.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Может, уши у нас и прижатые, зато на них не навешают лапши!
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Вот это точно! Умница ты моя!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Ты мне уши… мои уши прижатые не заговаривай! Скажи, а наша позиция что, не гражданская? Ты забыл, как мы в девяносто первом стояли в оцеплении у Белого дома? Как мы дышали свободой?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Мы дышали молодостью и любовью. Стоять-то мы стояли, только что выстояли, а? Эту власть?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Нет, я тебя, Витя, сегодня не узнаю. Ты же сам не можешь смотреть новости.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да, не могу! Сначала развалили Союз, потом упустили Украину, дали ее вооружить, подготовить к войне, а потом якобы сработали на опережение. И что? Нас что, под Киевом цветами встретили? Ничего подобного! Нашла коса на камень. А почему? Целое поколение выросло без исторической узды и с хорошо промытыми мозгами. Они не только выросли, но и дали потомство. Этим полуевропейцам даром не нужен русский мир. А теперь он им стал окончательно ненавистен.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Ты абсолютно прав. Но больше себе не наливай.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. То, что вы говорите, Алексей, достойно уважения. Но я не могу уважать тех, кто допустил эту бойню, они почти ничего не сделали, чтобы ее

предотвратить, только языками трепали столько лет и стряпали свои делишки. *(Наливает себе и Алексею.)* Давайте выпьем за мир, за любой, хотя бы самый худой, но мир. Иначе нам не дождаться внуков и не вырастить их. Зачем тогда живем, работаем, зачем все это?
АЛЕКСЕЙ. Знаете, а я выпью за победный мир. Мне кажется, он самый надежный. К тому же, на другой не согласятся те, кто сейчас воюет. Я это понял… там.

Выпивают, не чокаясь.

ИННА ЭДУАРДОВНА *(вскакивая и убегая на кухню*). Ой, утка горит! Вы… с этими вашими разговорами!
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Похоже, утка крякнулась. Надо окно открыть. *(Выходит).*
АЛЕКСЕЙ. Да, лучше о политике не говорить. Особенно с будущими родственники.
МАРТА. Ты прости. Я забыла предупредить. Тема СВО для мамы как красная тряпка для быка. Отец поспокойнее, но тоже.
АЛЕКСЕЙ. А для тебя?
МАРТА. Фиолетово.
АЛЕКСЕЙ. Прям так?
МАРТА. Стараюсь не думать об этом. Да ведь и ты, кажется, раньше особо не… *(прислушиваясь*). Что-то они притихли… *(украдкой заглядывает на кухню*). Сидят молча. Как сироты.
АЛЕКСЕЙ. Я пойду, пожалуй. Ты их, пожалуйста, не упрекай ни в чем…
МАРТА. Что ты! Как я могу? (*Провожает Алексея, возвращается, замирает в дверном проеме.)* Да что же это такое!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

Марта входит в кафе, пустое в столь ранний час.
Андрей Пешкан появляется из зазеркалья вестибюля.

ПЕШКАН. Марта! Рад вас видеть!
МАРТА. Я на минутку.
ПЕШКАН. Разумеется. Да я больше и не стою. Прошу. Чай, кофе? Просекко? Или покрепче?
МАРТА. Я вас прошу больше не присылать цветы. И где вы взяли мой адрес?
ПЕШКАН. Директор галереи любезно дал не только ваш адрес, но и скидку. Ведь теперь я – премиальный клиент. И наоборот.
МАРТА. Что наоборот?
ПЕШКАН. Сотрудники галереи могут обедать в кафе за полцены. Не знали? Кстати, как вам букет? Розы хороши, не правда ли?
МАРТА. Слушайте!
ПЕШКАН. Не любите розы? Исправлю.
МАРТА. Розы я люблю. Но дело не в розах.
ПЕШКАН. Скажите, а перед вручением лепестки увлажнили? Водным бисером. Это входило в заказ.

МАРТА. Что? Вы смеетесь?
ПЕШКАН. Просто уточняю.
МАРТА. Букет получала моя мама…
ПЕШКАН. Как зовут маму?
МАРТА. Знаете что!
ПЕШКАН. Я весь внимание.
МАРТА. Надеюсь, больше этого не повторится.
ПЕШКАН. Послушайте, я же не сказал самого главного. Еще минуточку, прошу вас. Присядьте, пожалуйста. *(Они садятся за столик.)* Марта, я купил несколько акварелей художника, которого вы посоветовали… За что я вам очень благодарен. И вы любезно согласились заполнить пустоту…
МАРТА. Что? Какую пустоту?
ПЕШКАН. Можно и душевную, но пока речь идет только о бытовой. Я говорю о картинах. Ведь их нужно правильно повесить. Чтобы они соответствовали обстановке, интерьеру, друг другу. Понимаете, о чем я?
МАРТА. Не очень. Пригласите дизайнера… Я не знаю…
ПЕШКАН. А я знаю. И приглашаю вас. Здесь, в кафе – две-три картины. И – у меня дома. А то пустые стены раздражают, просто кричат, извините, благим матом. Пусть уж кричат вашими акварелями.
МАРТА. Акварели не кричат. Они говорят шепотом и ласкают взгляд.
ПЕШКАН. Это я и имел в виду. Как хорошо, что мы понимаем друг друга. Разумеется, ваша работа будет достойно оплачена. Даже не сомневайтесь.
МАРТА. Слушайте, я ни разу не дизайнер и не декоратор…
ПЕШКАН. Так и я хочу сэкономить. Шучу. Просто доверяю вашему вкусу. И отчасти своему.
МАРТА. Я подумаю. Посоветуюсь с художником.
ПЕШКАН. Две головы всегда лучше. Только, пожалуйста, избавьте меня от пустоты!
МАРТА. Мне все равно кажется, что вы прикалываетесь.
ПЕШКАН. Просто я не умею серьезно говорить на важные темы. Зато умею быть щедрым. Кстати, вот… *(Как фокусник, вынимает из-под стола картину Алексея «Ирисы».)* Это вам. Подарок.
МАРТА. Мне?
ПЕШКАН. Я запомнил, с каким сожалением вы ее продавали.
МАРТА. Послушайте…
ПЕШКАН. Я уже понял: розы для мамы, для вас – ирисы.
МАРТА. Я не могу принять этот подарок. (*Встает)*.
ПЕШКАН *(встает*). Почему?
МАРТА. Это будет неправильно. До свиданья. *(Уходит)*.
ПЕШКАН. Правильная ты моя…

Сцена вторая

Квартира Алексея Кузнецова. *Алексей и Марта за столом, ужин при свечах.*

МАРТА. Месяца на подготовку хватит. Я заказала маленькое платье цвета ирисов. На свадьбу и на выход. Давно не была в Большом.
АЛЕКСЕЙ. Я тоже.
МАРТА. Я думаю, свадьба должна быть скромной, для своих. Мои родители, крестные, друзья. Вдруг твоя мама приедет из Норвегии. Было бы здорово.

АЛЕКСЕЙ. Она даже на похороны бабушки, своей матери, не пожаловала. Но я напишу ей, конечно.
МАРТА. Только у меня к тебе просьба…
АЛЕКСЕЙ. Да, милая?
МАРТА. Можно не приглашать Лизу?
АЛЕКСЕЙ. Что? Без Лизы? Ну, это как-то… не по-дружески. Все-таки вместе учились. Мастерские рядом.
МАРТА. Она меня недолюбливает. Я это почувствовала еще тогда, на дне рождении Васи.
АЛЕКСЕЙ. Слушай, тогда с моей стороны почти никого не будет. А Васька напьется.
МАРТА. Я его с папой посажу. Может, Лиза тебе не безразлична или у вас когда-то что-то было?
АЛЕКСЕЙ. Не придумывай.
МАРТА. Точно? Я – ревнивая. Это я с тобой поняла.
АЛЕКСЕЙ. Давай лучше выпьем за нас.
МАРТА. За нас! Чтоб ничто и никогда не могло нас разлучить!
АЛЕКСЕЙ. Отличный тост.
МАРТА. Я давно хотела тебе сказать… Давно! Неделю! Уже неделю!
АЛЕКСЕЙ. Знаешь, я тоже кое-что хотел сказать. Ну, говори.
МАРТА. Нет, ты первый.
АЛЕКСЕЙ. Помнишь, я рассказывал тебе о Лехе, очень талантливом парне, с которым познакомился там, в Донбассе. Так вот. Мне удалось договориться с ректором… Лехе разрешат посещать занятия в училище. И если он освоит программу, то на будущий год его зачислят.
МАРТА. Здорово! Ты ведь этого хотел? Как все удачно.
АЛЕКСЕЙ. В общем, да. Хотя я наделся, что его примут сразу. Но дело не в этом…
МАРТА. А в чем?
АЛЕКСЕЙ. Ему нужна московская регистрация. В общем, я узнавал у юриста… Ведь он сирота, родители погибли. Короче, я хочу стать его опекуном или попечителем.
МАРТА. Что? Опекуном? Но тебе придется… А жить он где будет?
АЛЕКСЕЙ. Здесь. У меня. Хотя бы первое время. В училище нет общаги.
МАРТА. Алеша, я что-то не понимаю… А как же мы? Я считала, что здесь, у тебя, будем жить мы. Мы. Я хоть и люблю своих родителей, но… Да и странно все это. Ты меня удивил, Алеша.
АЛЕКСЕЙ. Послушай, милая. Я все понимаю. Но мальчика надо вырвать оттуда. Вырвать из войны. Он не просто рискует, он в какой-то мере обречен, понимаешь.
МАРТА. Для этого есть государство. Служба опеки. И что, в конце концов, несовершеннолетний делает на войне? Сообщи куда следует и – дело с концом. Его заберут и… я не знаю… поместят в детский дом.
АЛЕКСЕЙ. Детский дом? Скажешь тоже! Это не вариант. Даже странно…
МАРТА. Может, это я не вариант?
АЛЕКСЕЙ. Что ты говоришь!
МАРТА. Господи, почему ты так заботишься о нем? Вместо того, чтобы…
АЛЕКСЕЙ. Потому что он спас мне жизнь. Я тебе не все рассказал. Мы попали под обстрел. Толян… водитель погиб. А меня из горящей машины вытащил Леха. Теперь я должен вытащить его. Оттуда.
МАРТА. Как ты там вообще оказался! Прости, вырвалось. Я все понимаю, Алеша. Я понимаю, что ты считаешь себя обязанным этому Лехе. Но тогда придумай что-то другое. Сними ему комнату, в конце концов. Я хочу жить только с тобой. Только с тобой. Потому что… у нас будет ребенок. Я беременна, Алеша.

АЛЕКСЕЙ. Что! О господи! (*Алексей заключает Марту в объятия.)* Ты не шутишь? *(опускает на колени, целует живот Марты*). Он уже… шевелится?
МАРТА. Он еще как бусинка. Маленькая перламутровая бусинка. Ты рад?
АЛЕКСЕЙ. Очень. Я стану отцом. Невероятно!
МАРТА. Кроватку поставим здесь. Диван передвинем, чтобы мне было удобней вставать к малышу. А на кухне поставим раскладное кресло.
АЛЕКСЕЙ. Зачем?
МАРТА. Чтоб кто-то из нас мог выспаться. У нас так было, когда мы жили в однокомнатной. Господи, сколько еще всего покупать! Мои родители помогут, ты не беспокойся. Но я еще не говорила маме. Скажу после свадьбы. А то еще подумает, что…
АЛЕКСЕЙ. Да мы справимся. За картины я получил. В крайнем случае, возьму еще учеников.
МАРТА. И у меня наметилась подработка. Может, мне пойти на курсы дизайна интерьеров?
АЛЕКСЕЙ *(прижимает Марту к себе).* А тебе еще можно?
МАРТА. Глупый. Нужно!

Сцена третья

Церковный пункт сбора гуманитарной помощи. Женщины скатывают в рулон маскировочную сеть.

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Плотней, девоньки. Прижимай! И ровней, ровней! Макаровна, чего-то тебя качает, прям как рябину? Смотри, рухнешь, и закатают тебя, как шаурму, прости господи.
МАКАРОВНА. Мы счас тебя, балабола, самого закатаем.
АЛЕКСЕЙ. Евгений Григорьевич, здравствуйте! *(Достает из сумки пакет*.) У меня к вам просьба…
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Анатолий! Ой, простите, Алексей, кажется.
АЛЕКСЕЙ. Я прошу вас с очередным грузом отослать этот пакет Игнату Петровичу. Комбату.
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Груз готов. Вот он. Только с отправкой непонятно. Везти-то некому. И не на чем. А что это?
АЛЕКСЕЙ. Альбом Лехи. Я обещал ему вернуть.
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Так, для Лехи, говоришь… Только пропал он. Такое дело.
АЛЕКСЕЙ. Что? Как пропал? Что вы знаете?
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Замполит из города звонил, сказал…
АЛЕКСЕЙ. Что? Что сказал?
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Не появился Леха в условленном месте. Двое суток его разведчики прождали.
АЛЕКСЕЙ. Что же делать?
ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. Вы меня спрашиваете?

Сцена четвертая

Мастерская Алексея. Он собирает дорожную сумку, кладет свои вещи, бритву. Берет телефон, но не решается позвонить. Вместо этого…

АЛЕКСЕЙ *(записывая голосовое сообщение*). Марта, дорогая, любимая. Хотел позвонить сразу, но не хватило духу. Поэтому пришлю тебе голосовое сообщение, уже с дороги. В Донбасс. Да, я еду туда. Леха пропал. Пропал Леха. Такие дела. Не вернулся из-за линии фронта. Я не могу делать вид, что ничего не произошло. Не знаю, поймешь ли, но мне очень хотелось бы, чтобы ты поняла. Постараюсь вернуться побыстрее, конечно… Правда, со связью там плохо, ее вообще нет. Знаю, что делаю тебе больно. Но прошу тебя просто довериться мне. Как жена мужу. И все сложится, я уверен. Да, и еще… Мне тяжело это говорить… я прошу тебя отложить свадьбу хотя бы на два-три месяца. Дело в том, что я купил машину, чтобы отвезти туда груз для наших солдат, для Лехи. В общем, денег на свадьбу сейчас нет. Но я заработаю, когда вернусь. Только верь мне.

В коридоре раздаются шум, пьяный голос Васи и сердитый Лизы.

ГОЛОС ВАСИ. «Ойся, ты ойся, ничего не бойся!»
ГОЛОС ЛИЗЫ. Прекрати орать, пьянь! На человека не похож!

В мастерскую Алексея вваливается Вася, поддерживаемый Лизой. Вася еле держится на ногах.

ВАСЯ. Да, это я. А может, и не совсем. Вот Лешка – всегда Лешка, а Лизка – всегда она, железная Лиза, из рук которой я… дурак… однажды выскользнул. Не оправдал, так сказать… *(Валится на диван.)* Не кантовать гения! *(Мгновенно засыпает).*
ЛИЗА. Дворник привел. Ты извини. Мне его не поднять на второй этаж.
АЛЕКСЕЙ. Да пусть у меня проспится. Я все равно уезжаю.
МАРТА *(обеспокоенно*). Куда, если не секрет?
АЛЕКСЕЙ. Леха пропал.
ЛИЗА. Как пропал? Давно? Что случилось?
АЛЕКСЕЙ. Знаю только, что не вернулся с задания.
ЛИЗА. Слушай, я могу поехать с тобой. Тебе же нужен помощник. К сожалению, я водить не умею.

Алексей внимательно смотрит на спящего Васю.

АЛЕКСЕЙ. Вася умеет.
ЛИЗА. Не, он…трус, он сбежит.
АЛЕКСЕЙ. Не успеет. Протрезвеет только утром. Под Ростовом.
ЛИЗА. Алеша, ты только не рискуй. Прошу тебя.
АЛЕКСЕЙ. Теперь не имею права. Представляешь, я стану отцом. Марта беременна.
ЛИЗА. Да? Поздравляю…

Сцена пятая

Квартира родителей Марты.
Марта в деловом костюме, сидит завтракает, приходит голосовое сообщение.

ГОЛОС АЛЕКСЕЯ. Марта, дорогая, любимая. Хотел позвонить сразу, но не хватило духу. Поэтому пришлю тебе голосовое сообщение, уже с дороги. В Донбасс. Да, я еду туда. Леха пропал…

Улыбка на лице Марты застывает.

МАРТА (*бьет кулаками по столу*). Гад! Гад! Ненавижу! Мама! Мама!

Из кухни выбегает Инна Эдуардовна, с очками на лбу, держа в рука букет роз и машинально продолжая окроплять его из пульверизатора.

ИННА ЭДУАРДОВНА. Так я и знала! Он тебе изменил? Бросил тебя? Он мне сразу не понравился.

Сцена шестая

Донбасс. Вася за рулем. Алексей дремлет.

ВАСЯ. По навигатору еще часа полтора. Но по такой дороге… Слышишь? Ну ты и гад, Лешка! Меня тепленького… погрузил. И Лиза хороша! Я на такое не подписывался. Я и война – две вещи несовместные. Я – пацифист. Закоренелый. Даже злостный. Потому и альтернативную службу выбрал. Не рассказывал тебе? А было. Гад ты, Кузнецов. Я бы убежал давно… выскочил бы и след простыл, и только наша дружба и остатки совести… проклятой совести… Вот чем ты взял, Кузнецов! Отвезем и сразу назад! Ни минуты там не останусь. Да, что же это за дорога такая… которая не кончается!
АЛЕКСЕЙ. Кончай ныть, старик. У нас три адреса. И прогулка в лесу. Ты же в Донецке не был? Вот и посмотришь, как люди живут.

Видеоряд. Разрушенные дома. Беженцы, очереди за гумпомощью.
Лица. Голоса.
ГОЛОС СТАРУШКИ. Милок, ты в следующий раз кошачьего корма привези. Поболее. А то не прокормить мне их. Сегодня мальчишки еще двух потеряшек принесли. Не забудь, милок.
ГОЛОС УЧИТЕЛЬНИЦЫ. Нужен мел. Да, обычный школьный мел. Хорошо бы фонарей и батареек к ним. И свечей. Зимой рано темнеет, вторая смена заканчивает в семь вечера.
ГОЛОС ВРАЧА. Одноразовых шприцев и влажных салфеток, перекись, хлоргексидин и любую бытовую химию. Бинтов побольше. (*Смущенно.*) И еще зефир в шоколаде. Все больные дети просят. Кому-то принесли, теперь все хотят.

Сцена седьмая

Гостиная в квартире родителей Марты.

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ *(возмущенно)*. Не понимаю, как ты это допустила!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Но что я могла сделать?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Почему, в конце концов, не сообщила мне?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Думаешь, Марта соизволила что-то сказала? Вечером пришла. Смотрю, она как-то нетвердо держится на ногах. Я грешном делом подумала, что она подшофе. Не успела оглянуться, сползает по стене – потеряла сознание. Оказалась, она только что из клиники. Я позвонила тебе. Ты на операции. Я вызвала скорую. Приехали, ввели ей какое-то лекарство, витамины… Сказали, ничего страшного, лучшее средство – покой и сон. Вот спит уже четырнадцать часов.

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ты понимаешь, что теперь у нее может не быть детей?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Не преувеличивай. На ранней стадии это почти безопасно.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Вот именно, почти. Себя вспомни.
ИННА ЭДУАРДОВНА. У меня был другой срок, совсем другой. Если ты помнишь, конечно?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Я все помню, все. И как ты тоже не соизволила мне сказать. Никогда не понимал, почему. Ну, почему?!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Хочешь знать? Уверен?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да я и так все знал… про твой курортный роман.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Знал? Откуда?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Не важно. Неужели ты думаешь, что я не принял бы того ребенка?

Инна Эдуардовна зажимает рот от подступивших рыданий.

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ *(обнимает жену*). Ну, будет, будет… Как все-таки история повторяется…
ИННА ЭДУАРДОВНА. Ничего не повторяется! Этот художник бросил ее. Накануне свадьбы. Поиграл и бросил. Словно куклу. И удрал. Зачем же Марте рожать от такого?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. С чего ты взяла, что Алексей бросил Марту? Если я правильно тебя понял, он на Донбассе. А там фронт. Ты хоть понимаешь, что такое война? Илюша Петров недавно звонил из своего госпиталя, рассказывал…
ИННА ЭДУАРДОВНА. Может, он себе уже новую… натуру нашел? И это просьба перенести свадьбу, денег, видите ли, нет, потратил. Нет, наша дочь правильно сделала. Правильно! От таких нельзя рожать.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Я знаю одно: нашей дочери плохо. Ее надо спасать.

Открывается дверь. Выходит Марта. Она в коротком платье ирисового цвета, на высоких каблуках.

МАРТА. Не надо меня спасать. Я в норме. Даже слишком.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Доченька!
МАРТА. Пап, все хорошо. В самом деле! И давайте, мои дорогие, договоримся. Ничего не было. Никакого художника, никаких разговоров о свадьбе… И никакого аборта. Тема закрыта. На-все-гда!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Куда ты? Марточка!
МАРТА. В галерею. Рабочий день, мама. Вообще-то, жизнь продолжается. *(Выходит*).
ИННА ЭДУАРДОВНА. Жизнь продолжается… Слышал?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. У нас водка есть?
ИННА ЭДУАРДОВНА *(доставая из шкафа графин с водкой*). Пожалуй, и я с тобой.

Сцена восьмая

Донбасс. Около землянки комбата.
Вася за рулем, Алексей дремлет.

ВАСЯ. Наконец-то на месте. Приехали, Рембо.

На телефон Алексея приходит голосовое сообщение.

ВАСЯ (*толкает Алексея*). Старик, тебя.
АЛЕКСЕЙ. Что? (*включает прослушивание*).
ГОЛОС МАРТЫ. Не смей мне звонить. Знать тебя не хочу. А насчет… В общем, не было ничего. Это была задержка. Только задержка. К счастью. Прощай! И будь ты… ну, ты понял!
ВАСЯ. Ошиблись номером, да?
АЛЕКСЕЙ *(выходя из машины*). Да.

Сцена девятая

*Землянка комбата**.** Седой, Маклак, Алексей.*

СЕДОЙ. Что значит, не вернешься без Лехи? Это армия, Алексей. И здесь я приказываю. Нет Лехи. Нет! Не знаю, где он и что с ним. Неделю назад вышел на связь по рации. Успел назвать деревню и сказать, что «азовцы» в бывшей школе, три БТРа. Крикнул: накрой их, батя. И связь вырубилась. Дивизионная разведка подтвердила скопление личного состава и техники. Через час перепахали их «Градами». А Леху наши пацаны две суток ждали. У укропов под боком. Даже «языка» взяли. Он и рассказал, что «азовцев» по кускам собирали.
АЛЕКСЕЙ. А Леха не мог попасть под обстрел?
МАКЛАК. Не такой он пацан, чтобы вот так не за грош... Успел уйти или схоронился, факт.
АЛЕКСЕЙ. Что же он все это время на связь не вышел?
СЕДОЙ. Рация накрылась, батарея села, мало ли. Ладно, закончим обсуждения. Вот, Алексей, новый список. Приедешь через пару недель, может, и Леха объявится.
АЛЕКСЕЙ. Игнат Петрович, разрешите мне остаться. В армии я служил, могу нести караульную службу. Если доверите «мавик», прочешу окрестности. Сам схожу, куда надо. Вдруг Леха раненый или без сил. А новую партию привезет мой друг Василий.
МАКЛАК. А что! Пусть пороха понюхает. Людей же не хватает. К тому же он в шахматы играет, я узнал. А, Петрович?
СЕДОЙ. А, тебе соперник нужен. *(Алексею)* Здесь ему играть не с кем.
АЛЕКСЕЙ. Я и в покер могу.
СЕДОЙ. Вы еще казино откройте!
МАКЛАК. На ближний пост его, вместо Карпенко. А того в госпиталь, не нравится мне его рана.
СЕДОЙ. Ладно… оставайся пока. Но распорядок армейский. И никаких поблажек.
АЛЕКСЕЙ. Есть, товарищ комбат. *(Выходит).*
СЕДОЙ. Значит, говоришь, Леха не такой пацан, чтобы не за грош? А если не успел уйти или того хуже?
МАКЛАК. На себя вызвал?
СЕДОЙ. А он мог. Вот чего я боюсь.
МАКЛАК. Игнат Петрович, всего неделя прошла. Рано его хоронить. И себе душу рвать.
СЕДОЙ. Будь моя воля, я бы сам… вместо него… вместо любого нашего бойца… Вон москвич, и тот… Ладно. Что-то я…
МАКЛАК. Куда художника поставить?

СЕДОЙ. На рытье блиндажа, а ночью – на ближний пост. В общем, спуску не давай, сам сбежит через неделю. Шутки шутками, но гражданский здесь лишний, сам понимаешь.
МАКЛАК. Он беспилотник просит.
СЕДОЙ. Дай. Все равно не успокоится. Может, и правда, Леха где-то рядом… В общем, понял?
МАКЛАК. Так точно.

Сцена одиннадцатая

«Газель» около землянки комбата, в кабине Вася. Алексей открывает дверцу кабины.

АЛЕКСЕЙ. Ты что, даже не выходил?
ВАСЯ. Зачем? Когда обратно-то, скоро?
АЛЕКСЕЙ. Я остаюсь. Вот список. В Москве созвонишься с Евгением Григорьевичем, все порешаете.
ВАСЯ. Так что, я один что ли?
АЛЕКСЕЙ. Мысленно я с тобой. Слушай, в Донецке заскочишь по этому адресу. Это детский сад. Им Толян, тот волонтер… я рассказывал… обещал окна новые поставить. Сделай замеры. В Москве закажем, быстрей выйдет.
ВАСЯ. Что я скажу Лизе? И Марте, если увижу?
АЛЕКСЕЙ. Они в курсе. Всё, давай. Советую тебе в Донецке переночевать, чтоб не заснуть за рулем.
ВАСЯ. Ну уж нет.

Сцена двенадцатая

Землянка комбата. Раздаются шаги.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Игнаша, это я. Готовь пятую точку!
СЕДОЙ *(шепотом)*. Чертова баба.
МАКЛАК. Я пошел, товарищ комбат. Насчет москвича понял *(выходит*).

В землянку входит военврач Людмила Николаевна со стальным контейнером для стерилизации инструментов.

СЕДОЙ. Опять ты, старая!
ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА. Помоложе некоторых.

Ставит контейнер на стол, достает шприц.

СЕДОЙ. Сколько можно!
ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА. Сколько нужно. Снимай штаны. *(Толкает Седого к нарам).*
СЕДОЙ. Полегче ты! Отошлю тебя в город. Молодуху выпишу.
ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА. Который год слышу**.** Жду не дождусь. Может, в городе нормального мужика встречу. *(Делает укол в ягодицу).*
СЕДОЙ. Место живого не осталось. Сидеть не могу.
ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА. А тебе и не положено сидеть.

Звучат орудийные выстрелы.

СЕДОЙ. Все, Людушка, иди. *(Понизив голос.)* Вечером приходи.
ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА. Куда ж я денусь? Жизнь одна, и та на донышке. Таблетки не забудь выпить. *(Кладет таблетки на стол).*

Военврач выходит. Комбат, застегивая брюки, находит палку, выпрямляется, таблетки бросает в железную печку, прислушивается к разрывам.

СЕДОЙ. Седьмая бригада. Давайте! Давайте! Наступ нужен. Да и Леха где-то там… Наступ! Наступ!

Разрывы смолкают. Седой, опираясь на костыль, ковыляет в угол, отводит шторку, открывает образ Богородицы Донецкой, плачущей кровавыми слезами, опускается на колени.

СЕДОЙ. Матерь Божья Донецкая Пресвятая Богородица, спаси и сохрани рабу твою Татьяну, жену мою, и Ксеньюшку, малолеточку. Где вы, родные мои? Куда закинула вас судьба? Почему молчите столько лет? (*На коленях подбирается к стулу, поднимается. Включает рацию.)* Остапенко, готовь машину и двух бойцов. Да, проверка постов. Начнем с западного.

Сцена тринадцатая

Донецк. Детский сад. Окна зашиты фанерой.
Детские голоса, поющие под звуки фортепьяно: «От улыбки станет всем светлей…»
В приоткрытую дверь видны фигурки детей и воспитательница за инструментом – улыбчивая девушка НАСТЯ.
Вася идет вслед за ЗАВЕДУЮЩЕЙ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ *(кивает на заколоченные окна).* Сами видите. Анатолий-то что, не смог? Ребята о нем спрашивают. «Когда дядя с конфетами придет?» А вы строитель?
ВАСЯ. Вообще-то я художник. График, в основном.
ЗАВЕДУЮЩАЯ. Что ж вы сразу не сказали! Окна подождут, а вот день рождения Чебурашки никто не отменял.

Вася, сидя на корточках, расписывает фанерную фигуру крокодила Гены. Входит Настя.

НАСТЯ. Здорово у вас получается.

Вася оборачивает, его лицо перепачкано гуашью. Девушка смеется.

ВАСЯ. А вы случайно не знаете, какие у крокодилов глаза?
НАСТЯ. У этого – добрые и веселые.
ВАСЯ. Как у вас?

Настя смущается. Но в следующий миг она с визгом вскакивает на стул.

НАСТЯ. Там… там… хвост… Крыса!

Вася, схватив веник, бросается на помощь.
Вася достает из-под стола котенка.
Вася в ладонях держит котенка, Настя его гладит.

НАСТЯ. Это Даша принесла. Ей родители не разрешили оставить дома.
ВАСЯ. Какие у вас горячие руки.
НАСТЯ. Это котенок. Температура кошек выше, чем у людей. Не знали?
ВАСЯ. Теперь знаю.

Вася целует пальцы девушки.

НАСТЯ. Что вы делаете?
ВАСЯ. Это я котенка… Извините.
НАСТЯ. Вы всегда такой?
ВАСЯ. Наглый?

Настя качает головой.

ВАСЯ. Смелый? Если честно, я ужасный трус. Но почему-то сейчас…
НАСТЯ. Ласковый.
ВАСЯ. Как котенок? (*Шепотом.*) Только это между нами. Хорошо?

Сцена четырнадцатая

Спальня в квартире Пешкана. Огромная кровать. На стене цветочный натюрморт – тот самый букет ирисов. Марта в маленьком фиолетовом платье, Андрей Пешкан в сорочке навыпуск, оба изрядно навеселе.

ПЕШКАН. Почему маленькое? Ты достойна платья королевы. Белое с золотой фатой. Из лучшего салона Парижа или Лондона.
МАРТА. Так, Пешкан, спокойно! Не хочу цыганской свадьбы. Я за скромный формат. Только для своих.
ПЕШКАН. У меня пол-Москвы свои. И еще пол-Ростова. Я ведь ростовский паренек. Не знала? Понимаешь, свадьба это… больше чем свадьба. Это – мероприятие! Перекличка своих. Отчетная пьянка. Я не могу ее зажать. Меня не поймут. К тому же в полночь мы с тобой смоемся. По-английски. А народ пусть тусуется! Артисты оплачены до утра. Из мы из ресторана прямо в аэропорт. И прямиком в Дубай!
МАРТА. Это мне нравится. В полночь они растворились в воздухе...
ПЕШКАН. А какой отель классный! Бассейн с аквариумом, будем плавать среди акул и скатов. Бары на каждом этаже. Немая прислуга. Прикинь.
МАРТА. Может, еще и слепая, цены бы им не было. Господи, что я такое с тобой несу!? *(бьет себя по щекам)*.
ПЕШКАН *(хохочет*). Надо подсказать владельцу. У тебя потрясающее чувство юмора. Я сразу оценил.
МАРТА. Слушай, а после свадьбы я сожгу свадебное платье.
ПЕШКАН. Зачем?
МАРТА. Чтобы больше не выходить замуж. И буду прыгать через огонь. В чем мать родила.
ПЕШКАН. Ну, у тебя и фантазии! Хотя почему бы и нет? Будет феерично!

МАРТА. А можно сейчас попробовать?

Марта пытается зажигалкой поджечь край платья.
Пешкан вскакивает с кресла, хватает первое, что попадает в руку – бутылку шампанского, заливает платье пенящимся вином.

ПЕШКАН *(хохоча)*. Кругом датчики, пироманка! К тому же завтра мы идем в Большой!

Оба заходятся в смехе, падают на кровать.

Марта спит. Пешкан в халате с бокалом коньяка выходит на балкон.

ПЕШКАН *(по телефону*). Планктон Планктоныч**,** не спишь? Можешь поздравить – спалился! В смысле, женюсь, брат! Решено. Приглашение вышлю. Да, пора остепениться, а то пустыня… В смысле, пустота. Не, не боюсь. Понимаешь… словно мы с Мартой уже жизнь прожили. Ее Мартой зовут… Она меня отшила однажды. А тут сама пришла, сказала, что свободна, но роль любовницы не для нее. И как-то стало все просто… Извини, что сумбурно... В общем, я типа счастлив. Наконец.

Сцена пятнадцатая

Донбасс, лес. Раннее утро. Алексей с автоматом на плече на посту. Видны остовы и стволы орудий.
На заднем фоне (экране) нарезка видеофрагментов:
Алексей, голый по пояс, копает траншею... Алексей смотрит в бинокль ночного видения. Расплывающееся тело оленя или лося… Алексей запускает беспилотник, управляет полетом, глядя в переносной монитор…
…Алексей снимает автомат, ставит рядом с собой, достает блокнот и карандаш, рисует. Он так увлечен, что не замечает, как из леса, как призраки, выходят разведчики, вернувшиеся с задания. Они на миг останавливают, глядя на Алексея, один кивает на автомат Алексея, другой разведчик незаметно подхватывает автомат. Разведчики растворяются в темноте.

Сцена шестнадцатая

Землянка комбата. На столе автомат Алексея. Седой сидит за картой, что-то высчитывает. Входит Алексей.

АЛЕКСЕЙ. Вызывали?
СЕДОЙ. Проходи, Алексей. Понимаешь, зачем вызвал?
АЛЕКСЕЙ. Так точно.
СЕДОЙ. Знаешь, что положено за потерю боевого оружия? К счастью, твой калаш трофейный, а ты здесь турист.
АЛЕКСЕЙ. Больше этого не повторится.
СЕДОЙ. А больше ничего и не будет. Завтра в город поедешь. В составе колонны. Стартуете на рассвете, туман в помощь. Ты поведешь «Урал», в городе отгонишь ремонтникам. И – свободен.
АЛЕКСЕЙ. Вы меня прогоняете?
СЕДОЙ. Да. Если коротко.
АЛЕКСЕЙ. Из-за этого случая?

СЕДОЙ. Не совсем. Не имею право разглашать, но тебе намекну. Говорят, скоро жара придет. Жарко будет. А я по опыту знаю, что такие, как ты, жары не переживут.
АЛЕКСЕЙ. Какие такие?

Вбегает Маклак.

МАКЛАК. Батя, десантуру обстреляли. Два «трехсотых».
СЕДОЙ. Где?
МАКЛАК. Пятый квадрат!
СЕДОЙ. Мы же вчера его проверяли! Высылай группу.
МАКЛАК. Есть! А если засада? На их месте я бы так и сделал.
АЛЕКСЕЙ. Разрешите «птичку» послать.
СЕДОЙ. Верно, Алеша. Давай! Маклак, помоги с направлением. Быстро!

Сцена семнадцатая

На переднем плане Алексей с монитором и Маклак. На заднем плане (на экране) меняющаяся панорама леса. Кроны деревьев, опушки, ручьи, дорога.

МАКЛАК. Веди над дорогой. Вот лесок и пригорок. Отсюда били.
АЛЕКСЕЙ *(управляя дроном)*. Пока чисто. И здесь. Я назад откачусь. Вон ручей...
МАКЛАК. И что? Зачем он?
АЛЕКСЕЙ. Следы на песке.
МАКЛАК. Это наши. Мы вчера там были. Не тормози. Следующий квадрат.
АЛЕКСЕЙ. Тень…
МАКЛАК. Что тень?
АЛЕКСЕЙ. Тень нелогичная. От березы.
МАКЛАК. Слушай, не наводи тень на плетень.

Опираясь на палку, подходит Седой.

СЕДОЙ. Что с тенью не так, Алеша?
МАКЛАК. Нелогичная, говорит. Это ж надо!
АЛЕКСЕЙ. Вот я увеличиваю. Ветки дрожат от ветра, а тень – нет.
СЕДОЙ. Ну-ка… Думаешь, ствол? Миномет?
АЛЕКСЕЙ. Не знаю.
СЕДОЙ. Маклак, сколько здесь? Метров семьсот? Пока ребята идут, пошли туда пару горячих приветов. Осколочно-фугасных.
МАКЛАК. Снаряды переводить…
СЕДОЙ. Выполнять!
МАКЛАК. Есть!

Маклак и Алексей убегает к артиллерийскому расчету.
Звучат два орудийных выстрела.

МАКЛАК. Петрович, накрыли! Ей-богу, накрыли! Вон, глянь, каска на суку болтается.
СЕДОЙ. Передай ребятам, чтобы зачистили. Надо же, тень нелогичная… Спасибо, Алексей!
АЛЕКСЕЙ. Так я остаюсь?

СЕДОЙ. Нет. Выезд в четыре утра. К тому же друг твой тебя ждет. Окна привез для детского сада. Да, телефон не забудь взять. Чтоб не возвращаться. А то ума хватит. Знаю я вас, москвичей.

Сцена восемнадцатая

Лес. Раннее утро. Туман. По лесной дороге движется колонна. Впереди БТР, несколько машин, в конце старый «Урал», за рулем Алексей.
Звуки работающей рации, звучат команды: «Не растягиваться!», «Дальний свет не включать!»
Первые солнечные лучи сквозь туман. Даже сквозь гул моторов слышно пение птиц. Лес просыпается… В кабину врывается крик: «Воздух!»
Разрывы снарядом, сполохи огня.

ГОЛОС ПО РАЦИИ. Всем покинуть машины. Раненых – в лес. Сначала раненых!
АЛЕКСЕЙ *(по рации)*. Уходите в лес. В старые посадки. Уходите в лес! В лес! Я рвану к большаку!
ГОЛОС ПО РАЦИИ. Тебя размажут! Назад! Назад, твою мать!

Алексей, включив дальний свет, выжимает газ.

АЛЕКСЕЙ *(высунувшись из кабины и глядя вверх).* Давай, гад! За мной! За мной!

Первый разрыв метров в двадцати…
Алексей ведет одной рукой, второй надевает наушники, достает телефон…

Сцена девятнадцатая

Одновременное действие: спальня Андрея Пешкана и мастерская Лизы. Пешкан и Марта спят. Лиза работает – лепит голову Лехи, глядя на рисунок Алексея.

Спальня Андрея Пешкана. Ирисовое платье Марты на вешалке рядом с мужским костюмом. Спящие Марта и Пешкан.
Под рукой Марты оживает телефон.

МАРТА (*спросонок)*. Алло, кто это? Ты? Да, ты разбудил меня. Ничего не слышно. Что за грохот? Зачем ты… Я просила не звонить.
АЛЕКСЕЙ *(кричит*). Прости, другого случая может и быть. Так многое хотелось тебе сказать…
МАРТА. Зачем ты звонишь? Это бессмысленно. Я не вернусь к тебе. Даже если ты на коленях приползешь.
АЛЕКСЕЙ. Марта, не говори так.
МАРТА. Ну, что нашел того, кого на меня променял? Своего Леху!
АЛЕКСЕЙ. Найду, обязательно найду! Ведь он – «Свет». Помнишь у Тарковского? «Из тени в свет перелетая…»
МАРТА. Ради этого ты звонишь?
АЛЕКСЕЙ. Не отключайся, слышишь. Хотя бы не отключайся! Нужен сигнал! Сигнал! *(Следит за беспилотником.)* Марта, прошу тебя!

Марта выключает телефон, сует его под подушку.

ПЕШКАН *(сквозь сон*). Кто там, Марта?
МАРТА. Ошиблись номером. Обними меня.
ПЕШКАН *(обнимая Марту*). Ты плачешь? Почему ты плачешь?
МАРТА. Это… от счастья.

Мастерская Лизы. Она работает стеком и пальцами над головой Лехи, время от времени глядя на рисунок Алексея.
Звонит ее телефон.

МАРТА. Алеша, ты? Ты!
ГОЛОС АЛЕКСЕЯ (*сквозь грохот и звуки разрывов)*. Лиза! Привет, Лиза! Прости, если разбудил. Ничего не слышно, совсем ничего. Ты просто говори, Лиза, все, что хотела мне сказать. Только не отключайся!
МАРТА. Алешка! Дорогой мой!

Взрыв. Связь обрывается. Марта, сдерживая плач, опускается на пол.

Сцена двадцатая

Квартира родителей Марты. Инна Эдуардовна и Андрей Пешкан.

ИННА ЭДУАРДОВНА (*протягивая справку*). Вот, Андрюша. С такой справкой тебе не страшна никакая мобилизация, ни прошлая, ни будущая.
ПЕШКАН. Спасибо, мамочка, моя супертеща! Передайте Виктору Константиновичу мою искреннюю бла… бла... *(вчитывается)* Это что!?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Что? Что такое?
ПЕШКАН. Энурез!!! У меня – энурез? Вы в своем уме?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Энурез? Ну, энурез... А что такое энурез? Господи, забыла всю латынь…
ПЕШКАН. Смеетесь? Недержание – вот что такое энурез.
ИННА ЭДУАРДОВНА. И что? Виктор Константинович знает лучше, что надо для…
ПЕШКАН. Спасибо, родственнички! Если об этом узнают…
ИННА ЭДУАРДОВНА. И что такого?
ПЕШКАН. На день рождения мне будут дарить… Знаете что? Подгузники!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Подгузники? В хозяйстве пригодятся.
ПЕШКАН. Издеваетесь?!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Ты только не волнуйся! Сейчас... *(Звонит*.) Витя, у нас недопонимание. Нам с Андрюшей энурез не подходит. Что? Так и сказать? Я не могу.
ПЕШКАН. Что такое?
ИННА ЭДУАРДОВНА *(по телефону*). Я не могу. Говори сам.

Инна Эдуардовна протягивает трубку Пешкану и тут же от греха подальше переставляет вазу со стола на комод.

ПЕШКАН *(по телефону).* В смысле, идти в ж…пу! Это у вас, у врачей, такой юмор? Вы серьезно? Нет, смена ориентации тоже не вариант. Тогда уж лучше энурез.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Вот и правильно. Папа с мамой плохого не посоветуют.

Сцена двадцать первая

Больница. Лиза перед дверью палаты.
Появляется Вася с пакетом апельсинов.

ВАСЯ. Извини, в типографии застрял. Проверка цветопробы затянулась. Но вроде неплохо.
ЛИЗА. Твои иллюстрации к Гоголю? Поздравляю! Когда выход из печати?
ВАСЯ. Недели через две-три. Да, от Насти привет. И от Васьки. Это наш котенок. Ну что, врач не выходил?
ЛИЗА. Что-то долго.
ВАСЯ. Пока ехал, думал: может, лучше Алешку забрать? Если после контузии слух вернулся, то и зрение…
ЛИЗА. Я тоже думала об этом. Процедуры могу проводить и я. А на обследование будем привозить. Алеша хочет рисовать! Сказал, руки чешутся.
ВАСЯ. Рисовать? Но он же пока...
ЛИЗА. Он хочет. Это – главное. И знаешь, мне кажется, он что-то видит. По-своему.

Сцена двадцать вторая

Комната родителей Марты. Виктор Константинович собирает чемодан. Входит Инна Эдуардовна.

ИННА ЭДУАРДОВНА. Ты дома? А я не слышала. Что ты делаешь? Зачем чемодан?

Виктор Константинович застывает, словно пойманный вор.

ИННА ЭДУАРДОВНА. Я так и знала. Кто она?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Что? Ты о ком?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Светочка? Из процедурного? Или практикантка с ногами от плеч?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ты с ума сошла, Инна!
ИННА ЭДУАРДОВНА. И он еще орет на меня!
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Я в командировку.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Теперь это так называется? И командировка творческая, да?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Служебная! Я еду… в смысле лечу… туда.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Куда туда? Можешь, наконец объяснить?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну, в этот… Короче, в Донецк.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Что?! Тебя заставили?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Петров. Илья Петров попросил заменить его, пока он…
ИННА ЭДУАРДОВНА. Ничего не понимаю. Причем здесь Петров?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Его назначили хирургом-консультантом всего Донбасса, он чуть ли не в вертолете живет. Донецкая больница осталось без хирурга. Он просит… Временно, конечно.
ИННА ЭДУАРДОВНА. И ты повелся?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Что значит повелся? Он мой однокурсник, друг. В конце концов, Илюха нас познакомил. Забыла?

Инна Эдуардовна рассматривает свои пальцы, губы дрожат.

ИННА ЭДУАРДОВНА. Все-таки вишневый старит. А розовый уже смешон. Может, синий-синий, а? Или вообще их отрубить?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Инночка!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Петров попросил. И ты сразу…
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Он сказал, что там много случаев по моей докторской диссертации.
ИННА ЭДУАРДОВНА. И ты повелся?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Илья сказал, что только я смогу его заменить. Только я.
ИННА ЭДУАРДОВНА. И ты повелся?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Что ты заладила? *(кричит)* Да как ты смеешь?! Утка хренова!
ИННА ЭДУАРДОВНА. Утка! Да, я утка. Поэтому у тебя и у нашей дочери есть гнездо. И весьма неплохое по нынешним меркам.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Инночка. Прости, я погорячился.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Нет, извиняться и прощать это не выход. Ты прав, дорогой. (*Бросается к шкафу, достает чемодан)*.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ты что делаешь? Решила уйти?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Не дождешься. Я лечу с тобой. В отличие от курицы, утка – это птица.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Что?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Неужели ты думаешь, что я тебя отпущу одного?! Чтобы там тебя какая-нибудь… в обтягивающем халате… К тому же не забывай, у меня медицинское образование. Советское! Ставить капельницы, накладывать перевязки я еще не разучилась. И маникюр для этого не нужен!
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Но это так не делается! Нужно сначала все оформить…
ИННА ЭДУАРДОВНА. Оформишь задним числом. Не на курорт летим. Там врачей не хватает. Каждый человек на счету. Новости надо смотреть!
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Я тебя не узнаю.
ИННА ЭДУАРДОВНА. А тоже. Во сколько самолет? Откуда вылет?
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Через четыре часа. С военного аэродрома.
ИННА ЭДУАРДОВНА. Тем лучше. Меньше формальностей.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. А как же Марта?
ИННА ЭДУАРДОВНА. Нужны мы ей! У нее есть этот, со справкой.
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну ты даешь! Ты не знаешь, где термос?
ИННА ЭДУАРДОВНА. На даче! Шучу. В кладовке. Что бы ты без меня делал!

Сцена двадцать третья

Мастерская Алексея. Алексей с повязкой на глазах сидит перед мольбертом. Перед ним, на листе ватмана тонкая рамка для осязания границ. Лиза вкладывает в пальцы Алексея карандаш.
Вася на заднем плане говорит по телефону.

ЛИЗА *(Алексею)*. Что сегодня? Какой-нибудь узор? Вчера неплохо вышло.
АЛЕКСЕЙ. Спасибо, милая. Попробую что-то посложней. Ты занимайся. Как Леха?
ЛИЗА. Почти готов. Хочешь посмотреть?

Лиза подводит Алексея к скульптурной голове Лехи. Алексей кончиками пальцев ощупывает его черты…

ВАСЯ *(по телефону)*. Речь шла хотя бы о десяти беспилотниках и комплектующих. Еще нужны разборные печки. Скоро осень. Мы из-за вас и так перенесли отправку. Так когда? В понедельник, точно? Надеюсь на вас. До свидания. (*Звонит.*) Евгений Григорьевич, на понедельник. Готовим отправку на понедельник. *(Оживленно.*) Что? Что вы сказали? Вот это да! *(Машет Лизе.*) Лиза!

Лиза подходит к Васе.

ВАСЯ (*хватая ее за плечи, понизив голос*). Леха нашелся! Леха!
МАРТА (*шепотом)*. Васька, это точно? Ты ничего не перепутал?
ВАСЯ. Наши очередной поселок освободили. Леха ранен был, его одна семья выходила. Главное, живой! Надо Алеше… сказать. *(Его взгляд прикован к Алексею).*
АЛЕКСЕЙ. Лиза…
ЛИЗА. Алешенька, что ты? Тебе не хорошо?
АЛЕКСЕЙ *(ощупывая голову Лехи).* Свет! Я вижу свет, Лиза! Свет!!!

Алексей стаскивает с лица повязку. Лиза бросается к Алексею, обнимает. Следом подбегает Вася.

АЛЕКСЕЙ. Свет! Лиза! Свет!!!

конец

Ялта, 2026

mikhail.umnoff@yandex.ru
+7 929 6489540, MAX